

"ХОЛОДНЫЙ" СОБЛАЗН КАК СОЦИАЛЬНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ

С.Н. Куликова

Соблазн присутствовал в культуре всегда, но попытками рефлексии о нем отмечены далеко не все этапы существования человеческой мысли. Непосредственно к данной проблеме философский взгляд был направлен лишь в XX-XXI веках, в рамках постмодернистского дискурса.

Прежде чем обратиться непосредственно к трактовке соблазна в постмодернистской философии, охарактеризуем основные черты, обусловившие данную трактовку.

При характеристике постмодернистского дискурса следует исходить, в первую очередь, из его деабсолютизованности, которой предопределены такие его имманентные свойства, как:

1. Преобладание в постмодернистской онтологии представлений о мире как хаосе.
2. Уход от поиска смысла, сущности и других метафизических глубин.
3. Полное отрицание порядка и иерархии.
4. "Нонселекция" / "алеаторная селекция", вызванная к жизни дискурсивной нониеархией и проявляющаяся в нарушении традиционной связности (когерентности) привычного материала и в взаимозаменяемости (пермутации) частей любого контекста.
5. Децентрация / "рассеивание".
6. Идея "множественного смысла".
7. Несводимость и постоянство человеческих миров.
8. Утрата аутентичности, подлинности как следствие господства симулякра.
9. Ощущение анахронического времени (конец истории): теряются все временные вехи, будто бы гарантирующие прочную трансцендентную ориентацию (имеется в виду не только утопическое будущее или героическое прошлое, но и любое временное состояние, претендующее на трансцендентное преимущество).

Эти имманентные свойства постмодернистского типа мировосприятия проявляют себя в следующих чертах постмодернистской культуры:

- конец идеологии единомыслия;
- появление много- и разномыслия;
- тенденция к глобализации и демассификации;

- критическое отношение к институтам и институализированным ценностям;
- большая значимость техногенного фактора;

- феномен потребительства;
- конец метанаррации;
- движение от Культуры к культурам.

Сознание человека, сам человек, а также общество и культура, творцом и продуктом которых он является, рассматриваются в качестве текста. При обращении к миру как тексту постмодернисты исходят из лингвистических учений де Соссюра. Кратко выводы де Соссюра, используемые в философии постмодернизма, могут быть изложены следующим образом:

1. Любая знаковая система функционирует благодаря различиям между элементами.

2. Смысл каждого элемента (знака) определяется исключительно в результате его отношения к другому элементу. Исходного, изначального и вне-языкового (вне-системного) смысла элемент не имеет.

3. Взаимосвязь между звуковым, изобразительным и т. д. компонентами знака и его концептуальным компонентом (связь "означающее" – "означаемое") произвольна, исторически обусловлена и, следовательно, не абсолютна.

Таким образом, вывод де Соссюра о том, что овладение языком есть процесс неподконтрольный индивиду: его участь сводится к усвоению и воспроизведению уже готовых языковых форм, является одним из методологических причин, обусловивших возможность трактовки мира как текста в постмодернистской парадигме.

Вслед за С.А. Ушакиным можно выделить и другие причины. Вторая заключается в изложенном в работах Л. Виттгенштейна понимании роли языка в жизнедеятельности человека. Известный вывод о том, что "границы языка" есть не что иное, как "границы мира" индивида, взятый в совокупности с идеей о необходимости быть обученным тому, как именно говорить, для того чтобы говорить вообще, стал одним из методологических оснований теории дискурса.

И, в-третьих, важнейшую роль сыграли положения постфрейдистского психоанализа,

"ХОЛОДНЫЙ" СОБЛАЗН КАК СОЦИАЛЬНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ

связанные с именем французского психоаналитика Ж. Лакана. Согласно Лакану, одной из основных функций языка является символическое оформление внешнего и внутреннего мира индивида, придание ему ощущения единства, целостности и взаимосвязанности [1, с. 149]. Таким образом, структура личности в данном случае определяется структурой языка и текстом; им же определяется и структура бессознательного.

Важно отметить постмодернистское движение от текста к контексту, в результате чего мир рассматривается не просто как текст, а как гипертекст. Гипертекст - это представление информации как связанной сети гнезд, в которой реципиенты свободны прокладывать путь нелинейным образом [2, с. 65]. Он допускает возможность множественности авторов, размывание функций автора и читателя, расширение работы с нечеткими границами и множественностью путей чтения.

Таким образом, децентрировав структуру, теоретики постмодернизма приходят к созданию новой ризоматичной модели мира, основным понятием в характеристике которой является различие. Пространство хаотичного, лишённого идентичности мира формируют кочевые дистрибуции, скольжение от одного смысла к другому.

Подобное "скольжение смысла", по мнению французского философа и социолога Жана Бодрийера приводит к тому, что в современном мире реальность (как социальная, так и какая бы ни было) исчезает, наступает "эра симуляции" - то есть, "замена реального знаками реального" [3, с. 34]. Такими знаками являются так называемые "симулякры".

В рамках репрезентативной концепции симулякр представляется в качестве копии, "насмехающейся" над действительностью. В нерепрезентативной модели симулякры выходят за границы оппозиции подлинник-копия и уже не предполагают соотношения с никакими референтами.

Именно в таком русле рассуждают Ж. Делез. По его мнению, подобие симулякра представляет лишь внешний эффект, иллюзию, на самом же деле подлинная его сущность в расхождении, становлении, вечном изменении и различии в самом себе [4, с. 53].

Жан Бодрийер также как и Делез, полагает, что симуляция начинается с утопии основного принципа репрезентации, утверждающего эквивалентность знака и реальности. По Бодрийеру, симулякр никаким образом не соотносится ни с какой реальностью, кроме своей собственной. Если функция зна-

ка – отображать, символа – представлять, в отношении симулякра говорить о каком либо соответствии не имеет смысла. В отличие от Делеза, который разрабатывал преимущественно онтологические аспекты симуляции, Бодрийер сосредотачивает свое внимание на социальных сторонах этого явления и выдвигает тезис об "утрате реальности" в постмодернистскую эру, на смену которой приходит "гиперреальность". "Знаки" больше не обмениваются на "означаемое", они замкнуты сами на себя.

Основываясь на теориях Делеза и Бодрийера, симулякр можно определить как знак, обретающий свое собственное бытие, творящий свою реальность, и, собственно говоря, переставший быть знаком по сути. Симулякр сам есть тело, но тело виртуальное. Он начинается там, где заканчивается подобие. Там же и начинается гиперреальность, которая есть не что иное, как пространство симулякров.

Таким образом, в постмодернистской парадигме положение о том, что искусственный, виртуальный мир, мир знака и ритуала, мир симулякра и видимости вытесняет "реальную реальность", стало аксиоматичным. Мир вторичностей, условных отражений оказывается более первичным, чем мир так называемой "реальности", пишет М.Эпштейн [5, с. 34].

Существенную роль здесь играет постструктуралистская установка на разрушение логики бинарных оппозиций: на уровне "живой культуры" она провоцирует разрушение культурной иерархии и смену вертикальной заданности культурного поля (имеется в виду оперирование категориями высокого/низкого, массового/элитарного) её горизонтальностью – состоянием, в котором каждый центр является периферией, и каждый пункт периферии – центром.

Фонологическая методология, в основе которой лежит система бинарных дифференциальных признаков, была разработана Н.С. Трубецким и с тех пор использовалась практически во всех сферах структурных гуманитарных исследований. Было установлено, что в описании любой картины мира лежат бинарные оппозиции, причем они носят универсальный характер: жизнь/смерть, счастье/несчастье, правый/левый, прошлое/будущее, твердость/мягкость, означаемое/означающее, мужское/женское, товар/образ. Первая часть оппозиции традиционно считается маркированной "положительно", она также первична, вторая же – "отрицательна", вторична.

В постмодернистскую эпоху бинарные оппозиции "рушатся", таким образом, становится возможным выход означающего на первый план, да и вообще его "отрыв" от означаемого, превращение в симулякр.

В этом смысле показательна деконструкция Ж. Деррида, направленная на бинарные оппозиции, в которых левосторонний термин претендует на привилегированное положение, отрицая право на него со стороны правостороннего термина, от которого он зависит. Деконструируя концепцию знака, Деррида и его последователи говорят о "танце", игре означающего, независимого от означаемого.

В "игровой вселенной" в качестве модели истины в новом ее понимании Деррида рассматривает женщину: истины не как однажды и навсегда данного соответствия объективной действительности, а как ускользающей, убегающей окончательности и играющей неопределенностью. Объектом мужского желания и главным орудием женской соблазнительности, по мнению французского философа, является маска женщины, то, чем она видится, а не то, что она скрывает от посторонних глаз. Иными словами, *сущностью женщины является отсутствие сущности*. "Множественность" женской природы вообще была не однажды отмечена в XX веке. И Ж. Деррида, и Ж. Лакан и А. Менегетти обращались к женской сути. Заявляя, что "в женщине всегда скрывается другая женщина" (а точнее, другие женщины), теоретики постмодернизма соотносят это с множественностью истины в современном мире, в связи с чем наделяют культуру постмодерна необходимым свойством "феминности". Культура, в которой господствуют знак и ритуал, а не сущность, подобно женщине, "всегда выдает себя за..."

Характеристики "скольжения", "рассеивания" всегда были присущи именно женщине. Женское — нерасчлененность, континуум, поле, волна, горизонт. Мужское — дискретность, атом, высь..." [6, с. 135]. Именно поэтому Ж. Деррида говорит о том, что женщина соблазняет на расстоянии, расстояние — стихия ее силы, и что именно в качестве "не-тождества, не-фигуры", подобия, симулякра является она "бездной расстояния" [7, с. 123]. Говоря словами Ф.Ницше "Великое искусство женщины — ложь, ее высшая забота — видимость и красота!"

Аналогичным образом Ж. Бодрийяр видит силу женщины в ее способности быть "видимостью". Культуру видимости и знака он наделяет эпитетом "женственной", подчерки-

вая тем самым ее способность максимально перетягивания центра тяжести с сущности на "кажимость" в качестве ее отличительной черты: "Наступает торжество соблазна, мягкого, бесцветная, рассеянная феминизация и эротизация всех отношений внутри размякшего социального универсума" [8, с. 27].

Таким образом, панъязыковая и пантекстуальная позиция постмодернистов обусловила восприятия ими и проблемы человека сквозь призму "скользящего означающего", вследствие чего в качестве означаемого выступила ускользающая субъективность, а означаемыми стали маски и роли, бесконечно сменяемые индивидом.

Кроме того, происходит отчуждение индивида, которое возникает на основании сопоставления реальной подлинной жизни с "ее фикцией в зеркале культуры". Об этом "Силикон навывкате" Жана Керсолы: психобиологическая технология, все информационные протезы и электронные сети дают их пользователям род странного биоэлектронное зеркало, *куда каждый, точно какой-нибудь цифровой нарцисс, скользит по лезвию влечения смерти, и где тонет в собственном отражении*. Развитие биологии и информационных технологий сопровождается распадом структуры личности, именуемой эдиповской. Распад этих структур раскрывает другое место, в котором отсутствует отец: *в игру вступает материнское, океаническое чувство, влечение смерти*. Взамен авторитета приходит обольщение [8, с. 286-287].

Жак Деррида и Жак Лакан не просто текстуализировали сознание (Лакан) и окружающий мир (Деррида), они привязали текст к "мужскому". Но Бодрийяр идет дальше, его дискурс направлен на преодоление "мужского" сознания (приоритет рационализма, упорядочивание мира) и окончание власти "Логоса-Бога над Матерью-Материей". Женское замещает мужское, но это не значит, что один пол занимает место другого по логике структурной инверсии. Замещение женским означает конец определяемого представления пола, перевод во взвешенное состояние представления о половом различии [8, с. 32]. Бодрийяр вывел проблематику деконструкции "мужского" на иной уровень. По сути дела его позиция означает следующее: с исчезновением "мужского" исчезает и пол как таковой. И во вселенной симулякров женское уже не противостоит мужскому, а соблазняет его.

Соблазниться можно только видимостью, многообещающей игрой возможностей, а не грубой данностью императива. Соблазн

"ХОЛОДНЫЙ" СОБЛАЗН КАК СОЦИАЛЬНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ

– это то же самое, что и симуляция. Соблазн обозначает как "соблазнение", "обольщение", "совращение", так и манящую, искушающую, соблазнительную прелесть вещей, прельщающий соблазн, обольстительный обман, "одну видимость", тот "златотканый покров прекрасных возможностей", о котором пишет Ницше: "Я хочу сказать, что мир преисполнен прекрасных вещей, но, несмотря на это, беден, очень беден прекрасными мгновениями и откровениями этих вещей. Но, может стать-ся, это-то и есть сильнейшее очарование жизни: на ней лежит златотканый покров прекрасных возможностей, обещая, сопротивляясь стыдливо, насмешливо, сострадательно, соблазнительно" [9, с. 54].

Таким образом, "скользящая реальность", "образность" современного информационного пространства и есть соблазн. Соблазн – всеобъемлющая форма, всеобъемлющий ритуал, который в полной мере существует в ритуальном/церемониальном/"мифологическом" обществе. Соблазн – это симулякр не имеющий смысла, который воздействует через приманку. Но соблазн не в простой видимости, как и не в чистом отсутствии, но в затмении присутствия. Стратегия соблазна — разом наличествовать и отсутствовать, как бы мерцающая или мигающая, являя собой некое гипнотическое приспособление, которое концентрирует и кристаллизует внимание вне какого бы то ни было смыслового эффекта [8, с. 154].

В современном обществе, с эпоху масс, по мнению Бодрийяра, функционирует "холодный соблазн", которой он называет "завороженность". Холодный соблазн у Бодрийяра, как и у Керсола, характеризуется через "нарциссическое" обаяние электронных и информационных систем, где человек тонет в собственном отражении. Обманка, зеркало или картина: очарование недостающего измерения – вот что околдовывает. Именно это недостающее измерение образует пространство обольщения и оборачивается источником умопомрачения.

В книге "Бессознательное поневоле" Винсент Декомб тоже обращается к этой теме. Он пишет о том, что в "нарциссическую" эпоху соблазняет не какой-то определенный женский трюк, но скорее то, что проделан он именно для реципиента. Соблазнительно быть соблазняемым. Обольщенный в другом находит то, что его прельщает, единственный и неповторимый предмет своей замороженности, а именно свое собственное существо, сплошное очарование и соблазн, лестный

образ себя самого.

Всякий соблазн в этом смысле нарциссичен, и весь секрет его – в этой смертоносной поглощенности. Вот почему именно женщинам, которым ближе это другое, тайное зеркало, где они хоронят свое тело и свой образ, ближе оказываются и всевозможные эффекты соблазна. Что до мужчин, то у них есть глубина, но нет тайны: отсюда их сила – и их слабость.

Поэтому Бодрийяр говорит о том, что "соблазнительные" кумиры всегда женственны, неважно, женщина это или мужчина, звезда всегда женского рода. В тоже время соблазн современных кумиров холоден, возникающая на пересечении холодной среды масс и столь же холодной среды образа на пленке.

В современной эпохе Бодрийяр выделяет только два значительных события, которые раз за разом светом своим "обольщают" массы: *белые вспышки кинозвезд и черные сполохи терроризма* [8, с. 172-173]. Чем же они обольстительны? А тем, что и звезды и теракты являются для "простого обывателя" ничем иным как "влекущей видимостью". Ведь великие обольстительницы и великие звезды никогда не блещут талантом или умом, они блистают своим отсутствием. Они блистательны своим ничтожеством и своим холодом, холодом макияжа и ритуала (Здесь можно вспомнить Маклюэновский *cool* ритуал). Также как и теракт, война, образы смерти "соблазняющие" с экранов, являются ни чем иным, как продуктом "холодных" масс-медиа.

«Холодный» соблазн правит всей сферой информации и коммуникации, и в этом холодном соблазне исчерпывается сегодня все социальное. Благодаря соблазну/симулякру коммуникация вместе с социальным функционируют в замкнутом контуре, знаками удваивая необнаружимую реальность. Ответственный же договор стал пактом симуляции, скрепленным медиа и информацией.

Таким образом, в современном мире, по мнению постмодернистов (Бодрийяр), двум вселенным релевантны два вида господства – власть и соблазн. При этом власть, которая является господством над реальной вселенной, основана на подавлении, которое вовсе не предполагает овладения. Соблазн же является господством над символической вселенной. Сегодня в мире первичного виртуального только господство в символической вселенной может рассматриваться как единственно "реальная" форма власти. Власть, непосредственно связанной с феминностью. Ведь, по мнению Ж.Дерриды, женщина или

тогда есть женщина, когда она дает, отдается, в то время как мужчина берет, владеет, овладевает, или, напротив, когда, отдаваясь, женщина выдает-себя-за, притворяясь, и таким образом обеспечивает себе господство [7, с. 125].

Такой "переворот" становится возможен и потому, что в современном обществе самым ценным товаром становится информация, а прежние экономические и политические ценности – деньги, обмен, производство – стали подвергаться деконструкции. Информация перестала быть "информацией о", то есть отражающей сведения о чем-либо. Она превратилась в самостоятельную сущность. На первый план, вследствие "информационной революции" выходит публичный, символический капитал, нематериальные активы, что ведет к коренному качественному изменению большинства общественных отношений практически во всех сферах социальной жизнедеятельности. Таким образом, власть символа, симулякра, соблазна становится не просто возможной, а единственной действенной властью.

Вот что в этом контексте говорит Бодрийяр по поводу "обольщаемых" масс: "Прежде они отчуждались – это когда у них было сознание (мистифицированное!), – сегодня обольщаются, потому как у них есть бессознательное и желание (увы – такое вытесненное и заблудшее!). Прежде они отвлекались от истины истории (революционной) – сегодня отвлекаются от истины собственного желания. Бедные массы, жертвы обольщения и манипулирования! Их заставляли сносить господство грубым насилием – их заставляют принимать его силой соблазна" [8, с. 301].

Таким образом, в основе воздействия соблазна лежат бессознательное и желание наслаждения. А у наслаждения, по словам Бодрийяра, нет стратегии – это "просто энергия, текущая к своей цели". Наслаждение, таким образом, ниже стратегии – конкретная стратегия может использовать его как материал, а само желание – как тактический элемент. Этим-то и пользуется соблазн, бросая вызов, приоткрывая занавесу тайны, формируя желание "выйти". Ведь соблазн состоит в возможности выйти за пределы рассудочной мысли или же просто привычной меры вещей. Соблазн действует на уровне бессознательного, он в том, чтобы "выйти".

В современном мире все сексуализируется, обретая таким образом простор для игры и соблазна. Повсюду говорит оно, все дискурсы превращаются в нескончаемый

комментарий к сексу, желанию, влечению, а также смерти. Все эротизируется "эротикой как тяготением к смерти".

Ведь в период постмодернизма, когда происходит возвращение вытесненной природы, культура больше не может быть основана на подавлении смерти. Как пишет в своем диссертационном исследовании Т.Н. Голобородова, бессознательное культуры взрывается и провоцирует возвращение смерти в игровой форме. Человек, получая возможность опыта утраты Я при жизни, спасается от страха смерти [10, с. 57]. Именно по этому в эпоху постмодерна "соблазнительны" и образы смерти.

Образы наслаждения в современную эру замороженности тоже переживают изменения, они гиперсексуализируются посредством искусственного воссоздания телесных образов, более ярких, сгущенных, концентрированно-гипнотических, чем сама по себе физическая реальность тела, и поэтому вызывающих умственный экстаз или ослаблении собственного физического компонента влечения [5, с. 38]. Таким образом, вселенная соблазна – это "символическая вселенная", вселенная видимостей, вселенная меняющихся смыслов. Это мир современной культуры, идущей на смену культуры модерна. Если либидо указывает на модель культуры производства и обмена, то соблазн (*seductio*) определяет модель культуры игры и агона. Ее характеристики являются объективациями энергии соблазна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакан Ж. Семинары, книга II: Я в теории Фрейда и техники психоанализа (1954/55). – М.: Изд-во "Логос", 1999.
2. Карымова М.Г. Гипертекст в философии постмодернизма // Вестник ТюмГУ. – Тюмень, 2002.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М., 2000.
4. Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб, 1998.
5. Эпштейн М. От модернизма к постмодернизму: диалектика "гипер" в культуре XX века // Новое литературное обозрение, 1995, N 16.
6. Гачев Г.Д. Национальный Эрос в культуре // ОНС, 1996, N 6.
7. Деррида Ж. Шпоры // Философские науки, 1991, N 1-2.
8. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М., 2000.
9. Постмодернизм: подобию и соблазны реальности // Иностранная литература, 1994, N 1.
10. Голобородова Т.Н. Феномен игры в культуре постмодернизма: проблема философского анализа. Диссертация на соискание ученой степени к.филос.н. – Томск, 2000.